

Люк Бессон и космические монстры на съемках «Пятого элемента»
 Моск. новости, -1997, - 28 сент. - 5 окт. - с. 22

Кухня Люка Бессона

ВСТРЕЧА

38-летний французский кинорежиссер Люк Бессон приезжал в Москву на премьеру своего уже на шумевшего футуристического фильма «Пятый элемент». Режиссер считает, что окончательные сборы превысят 300 миллионов долларов. Малую, но вполне весомую (по нашим меркам) часть этой суммы, без сомнения, внесут московские зрители, штурмующие 2500-местный зал «Пушкинский» (бывший кинотеатр «Россия»).

Фильму была оказана честь открыть в этом году юбилейный Каннский фестиваль. Режиссер при этом заслужил сравнение со Стивеном Спилбергом, которое его, впрочем, не слишком радует:

— Спилберг — великий режиссер, один из самых талантливых, но меня такое сравнение смущает. У каждого режиссера свой внутренний мир, мы все независимы друг от друга. Никто не может снять фильм «за Спилберга». Например, о море он снимает фильм «Челюсти», я — «Голубую бездну». У него море пугает — у меня зовет.

— И все же вам часто приписывают желание покорить Голливуд...

— Я сделал все, чтобы все художники в фильме были французами (900 костюмов для «Пятого элемента» придумал Жан-Поль Готье, музыку написал Эрик Серра). Фильм снят в Европе, и деньги в нем заняты исключительно французские. Даже если форма может быть интернациональной, суть должна принадлежать твоей стране. Нельзя отрывать от корней. Я это говорю для молодых русских режиссеров — я надеюсь, что они не уйдут от русской культуры, а воспитают ее и воспользуются ею. Мечты о Голливуде у меня, как и у других, были лет 10 назад, когда в маленьких странах Европы уже не было своего кино. И поездка в Голливуд была единственным способом существования. Но я думаю, что в последние годы кинематограф резко изменился, рынок расширился (в основном — за счет Азии), и необходимость ориентироваться только на Америку отпала. Сейчас лучше делать собственную картину, а зритель выберет, что ему ближе. Искусство — единственная страна, где нет национальностей и флагов.

— Есть ли у вас учителя в кинематографе, на кого вы как-то ориентируетесь?

— Я считаю, что вдохновение — личное дело каждого. Нет ничего глупее, чем вдохновляться творчеством других. Это как браки между близкими родственниками — в результате рождаются дебилы. Гораздо больше всяких учителей мне помогла моя мама — она готовит чудные блинчики.

— В вашем фильме, как и во всем мировом кино, добро борется со злом. Для вас это абсолютные понятия?

— Добро и зло всегда были религиозными понятиями — люди на самом деле мало в этом разбирались и совсем немного знали о жизни. Наука изменила понятия добра и зла — появились знания о природе, о поведении человека. Религиозное видение мира сильно пошатнулось. Да и различные религии показали плохие примеры — в XV веке церковь сожгла тех, кто утверждал, что Земля круглая. Я всегда помню об этом. И сейчас, когда папа говорит: это хорошо, а это плохо, я не слишком верю. За церковь — море трупов. Сегодня понятие зла стало более индивидуальным. Это скорее проблема выбора. Например, у клетки есть выбор — быть автономной и жить самой по себе или делиться, размножаться, как другие. Если она хочет делиться, то предыдущее состояние воспринимается как зло.

Вообще, понятие добра и зла — клеточное, и надо просто определиться, в каком лагере ты находишься. Вот рак — это клетка, которая решила быть автономной. Но остальные клетки рядом с нею не могут больше жить и делиться. Мы считаем, что это плохо, что это болезнь. А может, эта автономия, умирание — шаг к бессмертию?

— Должно ли кино не только развлекать, но и поучать?

— Кино — самое молодое искусство, а может, и последнее, поэтому может восприниматься как резюме всех предыдущих видов. Оно обращено к молодым и, скорее всего, является самым совершенным видом искусства, чтобы научить человека чувствовать: в нем есть все — и театр, и литература, и музыка, и пластика. Мне кажется, это великолепный способ обучить молодых восприятию других видов искусства. Восемилетнего ребенка не может интересовать Модильяни или Моцарт, но хорошие фильмы могут научить его воспринимать их. В этом смысле у кино есть обучающая роль, и очень важно, чтобы родители этим не занимались, ребенок сам ищет свою философию, а это плохо.

— Считаете ли вы, что режиссеру важно сохранить детский взгляд на мир?

— Это зависит от фильма. Я часто пользуюсь впечатлениями детства, а иногда они мне не нужны. Но ребенка в себе сохранить нужно не столько в кино, сколько в жизни. Очень важно хорошо прожить свое детство, ощутить счастье и беззаботность.

— Вы инстинктивный человек?

— Да, я обычно иду за своими желаниями. В этом фильме я экранизировал маленький роман, который придумал, когда мне было 16. Я тогда не знал, что стану режиссером. Замысел 16-летнего мальчика пришлось осуществлять 38-летнему мужчине. Легкость и юмор детства, возможно, ушли. Но великий философ сказал: «Ребенок — отец человека».

— Многие воспринимают ваш фильм как пародию, например, на «Звездные войны»...

— Это не пародия. Я шел по пути старинной французской поговорки: «Если тебе нужно сказать что-то важное, лучше это сделать с улыбкой».

— Вы любите повторять, что сценарий — это меню, съемка — рыбалка, охота и сбор урожая. Но самая великая кухня — это монтаж. Насколько велико ваше участие в процессе монтажа фильма?

— Я сижу в монтажной целый день. Я сам делаю кадр, поэтому у меня есть четкое видение того, как что склеить. Первый рефлекс обычно — склеить так, как виделось сначала, но в результате получается не то, чего я хотел. И тогда я безжалостно все переделываю. Я снял семь фильмов и могу констатировать, что все больше приближаюсь от задуманного к получаемому. Это приходит только с опытом — совершенно верно, как на кухне.

Елена ВЕСЕЛАЯ